

Келейный труд и разочарование общественности

К 110-ЛЕТИЮ НАЧАЛА РАБОТЫ ПРЕДСОБОРНОГО СОВЕЩАНИЯ

В церковной историографии деятельность Предсоборного Совещания по ряду причин остается одной из слабо изученных страниц подготовки Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Однако сохранившиеся до наших дней проекты документов Совещания, посвященные подготовке реформы высшего церковного управления, представляют немалый интерес для наших современников. Взгляды разработчиков документов на существенные элементы системы высшей власти и управления в Российской Церкви в 1912–1916 годах прокомментировал для «Журнала Московской Патриархии» протоиерей Сергей Звонарёв.

Учреждение Предсоборного Совещания

В декабре 1906 года Предсоборное Присутствие торопливо завершило свою работу с надеждой получить соизволение императора Николая II на созыв Поместного Собора. Присутствие, учрежденное императором, работало почти год — с 3 марта по 15 декабря 1906 года.

За это время была проделана важная богословская и каноническая работа по организации Собора: подготовлены проекты основных документов, регулирующие созыв и порядок деятельности Собора, функционирование высшего церковного управления. Однако шло время, и каждый следующий год не приносил ничего нового в вопросе созыва Собора: сдержанная

*Поместный Собор
1917–1918 гг.*

позиция государя видимым образом не менялась. Документы и материалы Предсоборного Присутствия, как не востребовавшие, были сданы в архив. Пресса тех лет писала об обманутых ожиданиях, бесконечно повторяемых словах о необходимости Собора, в то время как дело не двигалось с мертвой точки¹. Однако активные члены Церкви возвышали свой решительный голос в защиту назревших церковных преобразований. Так, Л. А. Тихомиров подал докладную записку на имя председателя Совета министров П. А. Столыпина, в которой доказывал вред дальнейшего затягивания созыва Всероссийского Поместного Собора в условиях изменившихся общественно-политических отношений².

Вопросы, связанные с созывом Собора, обсуждались в обществах и кружках. В 1912 году такие вопросы стали предметом дискуссий в московском Братстве святителей Московских. Встречи объединили заметных в церковной академической и общественной среде того времени лиц: П. Б. Мансурова, Ф. Д. Самарина, Н. П. Розанова, профессора Д. В. Цветаева, Н. Д. Кузнецова и других, проходили на высоком дискуссионном уровне. Тема созыва Собора и восстановления патриаршества обсуждалась в Комиссии по церковно-общественным вопросам, состоявшей при центральном комитете партии «Союз 17 октября», вдохновителем и главным действующим лицом которой был московский пастырь протоиерей Н. П. Добролюбов — будущий священномученик Николай, архиепископ Владимирский и Суздальский.

Нужен был официальный импульс, который бы засвидетельствовал актуальность темы дальнейшей подготовки и проведения Собора. И этот импульс был дан Святейшим Синодом. Он издал определение № 1767 от 28 февраля 1912 года с просьбой к императору об учреждении при Синоде постоянно действующего Предсоборного Сопровожения под председательством одного из членов Синода. Определение было доложено монарху обер-прокурором и в тот же день получило высочайшее утверждение³.

Высшей государственной властью было невозможно совершенно игнорировать общественный и церковный запрос на проведение церковных реформ. Откладывая на неопределенный срок созыв Поместного Собора, в то же время нужно было занять конструктивную позицию,

которая бы свидетельствовала, что дело церковных преобразований, несмотря на все имеющиеся опасения, находится в сфере внимания государя. Кроме того, при правильной постановке процесса подготовки Собора можно было контролировать соборное дело и направить его в нужное для власти русло, а приближающееся 300-летие царствующего дома Романовых явилось бы событием, к которому можно было приурочить проведение Собора.

Прошло более пяти лет со времени прекращения трудов Присутствия. Новые веяния врывались в церковную, общественную и политическую жизнь страны, под их воздействием эта жизнь усложнялась. Власть пыталась выработать механизмы, обеспечивающие устойчивость общественной и политической ситуации в России. В этих условиях и начинало свою работу Сопровожение.

Предсоборное Сопровожение создавалось для продолжения работы над материалами Предсоборного Присутствия по вопросам о высшем и епархиальном церковном управлении. Сопровожение должно было подготовить законопроекты для будущего Собора.

Предсоборный орган стал продолжением Присутствия. В документах 1906 года содержалось большое количество разнообразного материала, так и не сведенного в общий итог, хотя и систематизированного по рассматриваемым темам. Синоду предстояло рассмотреть этот массив информации, сопоставить одни материалы с другими. А для этого требовался рабочий орган, поскольку ни члены Синода, ни синодальные чиновники во главе с обер-прокурором не могли подъять на себя подобный труд, будучи загруженными постоянной работой по многочисленным текущим вопросам, решаемым Синодом. Такой орган и был создан по просьбе Синода и с соизволения императора, получив наименование Предсоборного Сопровожения⁴. Любопытно, что в февральском 1912 года определении Синода Сопровожение мыслилось как постоянное «впредь до созыва Собора»⁵.

*Поместный Собор
1917–1918 гг.*

В феврале 1912 года Святейший Синод сформировал персональный состав Предсоборного Совещания. Председателем Совещания был назначен архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский). Членами Совещания стали шесть человек, а именно: архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий) и епископ Холмский Евлогий (Георгиевский) (оба архипастыря назначались членами Совещания на время своего присутствия в Синоде), член Государственного совета профессор протоиерей Т. И. Буткевич, редактор «Церковных ведомостей» профессор М. А. Остроумов, профессор Санкт-Петербургской духовной академии по кафедре истории греко-восточной Церкви И. И. Соколов. Шестым был назначен членом-делопроизводителем помощник управляющего Синодальной канцелярией С. Г. Рункевич. Председателю предоставлялось право приглашать к работе в Совещании и других лиц⁶. Примечательно, что 5 из 7 участников Совещания были и членами Присутствия, а член-делопроизводитель Совещания С. Г. Рункевич состоял делопроизводителем и во время работы Присутствия. Поэтому все эксперты Совещания, за исключением епископа Холмского Евлогия, лично участвовали в работе Присутствия, и им был известен ход предсоборных обсуждений.

Как и при организации работы Присутствия, члены Совещания назначались Синодом с высочайшего утверждения. В состав Присутствия и Совещания входили представители епископата, духовенства и мирян-профессоров. Тот и другой предсоборный орган возглавлялись синодалами из числа архиереев. Присутствие и Совещание не были самостоятельными структурами, но учреждались при Синоде. Однако при всей схожести двух учреждений между ними имелись и различия. Они касались количественного состава (соотношение членов Совещания к Присутствию было 7 к 50), а в этой связи и церковной представительности. Не имело Совещание и структуры Присутствия, в которую входили тематические отделы и общее собрание. В сущности, Предсоборное Совещание можно было бы назвать комиссией или рабочей группой по доработке материалов для будущего Собора. Состав Совещания подбирался не для дискуссии (она происходила в Предсоборном Присутствии), а для удобной кабинетной работы. Поэтому-то в числе участников Совещания мы не встречаем представителей разных точек зрения на пути реформирования церковной жизни, способных возбудить дискуссию. Современник работы Совещания директор Хозяйственного управления при Святейшем Синоде А. А. Осецкий характеризовал состав Совещания как «одноцветный подбор

из лиц определенных церковно-политических воззрений. <...> Не чувствуется, наконец, в личном составе Совещания того пульса жизни, который свидетельствовал бы о чутком отношении к действительности»⁷.

На первой встрече предсоборного органа 8 марта 1912 года было решено, что Совещание должно подготовить законопроекты для будущего Собора с приложением к ним пояснительных записок, составленных на основании материалов Предсоборного Присутствия, в том числе с дополнениями, сделанными Совещанием. В числе приоритетных были названы вопросы о высшем и епархиальном церковном управлении⁸.

Проект «О высшем церковном управлении»

Совещание рассмотрело проект, составленный летом 1912 года по просьбе предсоборного органа председателем Совещания архиепископом Сергием (Страгородским). На протяжении всего осенне-зимнего периода 1912 года на заседаниях Совещания обсуждался состав, порядок формирования и компетенция Синода, порядок избрания и полномочия Патриарха. Третьего апреля 1913 года было проведено расширенное заседание Совещания, на котором состоялось последнее чтение проекта «О высшем церковном управлении», завершившее череду встреч церковных экспертов 1912–1913 годов, посвященных реформированию высшей власти и управления Российской Церкви. Помимо членов Совещания в заседании приняли участие приглашенные председателем ввиду важности обсуждаемого документа архиереи: митрополит Киевский Флавиан (Городецкий), архиепископ Владивостокский Евсевий (Никольский), архиепископ Гродненский Михаил (Ермаков), архиепископ Никон (Рождественский) — бывший Вологодский, епископ Екатеринославский Агапит (Вишневецкий) и часто бывавший в Петербурге епископ Полоцкий Владимир (Путята). На встрече присутствовал и обер-прокурор Синода В. К. Саблер.

Были рассмотрены утвержденные на предыдущих заседаниях изменения, касающиеся существенных вопросов, которые архиепископ Сергей включил в обновленный проект. Совещание признавало принадлежность высшего

церковного управления Святейшему Синоду и Патриарху. Для дел же чрезвычайных должен созываться Всероссийский Церковный Собор. Синод, за которым был сохранен прежний титул — «Святейший Правительствующий Синод»⁹, объявлялся правительственным учреждением, подчиненным лишь императору, а потому и синодальные указы должны исполняться как императорские. Лишь собственный императорский указ мог остановить исполнение синодального указа.

Предполагалось, что законодательные полномочия Синода позволят ему разъяснять и дополнять действующие церковные законы, а в случаях, не терпящих отлагательства, с соизволения императора издавать новые, вносить изменения в существующие церковные законы, предлагая окончательное решение на усмотрение Всероссийского Церковного Собора.

Синод объявлялся высшей церковной судебной инстанцией по всем делам. Единственное исключение делалось для Патриарха, преданного церковному суду. Его должен был судить Собор епископов Российской Церкви.

Совещание очертило круг пастырских и административных полномочий Святейшего Синода. К компетенции Синода было отнесено все, что прямо не восходило к полномочиям Всероссийского Церковного Собора. Даже подготовка к такому Собору, в том числе предварительное рассмотрение тем, вынесенных в соборную повестку, а также исполнение соборных решений относилось к ведению Синода. Совещание, сформулировав компетенцию органа высшего церковного управления, тем самым восполнило пробел в работе Присутствия.

Коллегиальный орган проектировался состоящим из председателя — Патриарха и двенадцати членов в архиерейском сане. На постоянной основе в Синоде присутствуют митрополиты Санкт-Петербургский (он же Местоблюститель Патриаршего Престола) и Киевский, а также архиереи, возглавляющие синодальные учреждения (на время председательствования они увольнялись от службы в своих епархиях)¹⁰. Четыре архиерея вызывались в Синод по очереди на один год. Для этого все епархии Российской Церкви разбивались на четыре округа: Петербургский, Киевский, Московский и Сибирский. Каждый округ состоял

*Владимир
Карлович Саблер,
обер-прокурор
Святейшего Синода
в 1911–1915 гг.
(слева)*

*Митрополит
Евлогий
(Георгиевский)
(справа)*

из четырех групп епархий. Любопытно, что временно присутствующие в Синоде епископы не освобождались от управления своими епархиями. Однако было непонятно, как они могли в течение года управлять епархиальными делами, когда им дозволялся Синодом отпуск лишь на два месяца, и то по уважительной причине и с высочайшего разрешения. Разве что пользуясь кратковременными отлучками в свободное от синодальных заседаний время¹¹.

Совещание, равно как и Присутствие, настаивало на исключительно иерархическом составе Синода, не предполагая включать в него протопресвитеров. (В то время протопресвитер военного и морского духовенства и протопресвитер придворного духовенства участвовали в работе Синода.)

Интересно, что Предстоятель, именуемый «митрополитом Московским и всея России Патриархом»¹², титуловался Святейшим, что, по всей видимости, по представлениям экспертов Совещания, не противоречило такому же титулу Синода. Его Святейшество, подобно июньским 1906 года положениям Предсоборного Присутствия о правах Патриарха, наделялся полномочиями председателя Синода, Первоиерарха Русской Церкви, а также епархиального архиерея. Последнее полномочие было сформулировано Совещанием, а потому привлекает к себе внимание. Предсоборным

органом предполагалось, что Патриарх имеет архипастырское попечение о Московской епархии. При этом в его прямом ведении находятся Большой Успенский собор, патриаршие учреждения в Москве, Троице-Сергиева лавра и ставропигиальные монастыри. В управлении епархией Патриарху помогает архиепископ Коломенский и Можайский на правах правящего архиерея, в подчинении которого находятся викарные архиереи. Архиепископ руководит всеми делами епархии и при необходимости докладывает в Синод¹³. Такое существенное делегирование полномочий по управлению епархией помощнику Патриарха было вызвано постоянным присутствием Первосвятителя в Синоде. Он как председатель органа высшего церковного управления мог пребывать в пределах своей епархии в свободное от присутствия в Синоде время (то есть в течение месячного отпуска), а также и в присутственное время, но не более одного месяца в общей сложности. Если же речь шла о необходимости Патриарху находиться в епархии свыше двух месяцев в один синодальный год, то в таком случае Патриарх должен обратиться через Синод к императору с соответствующим прошением¹⁴.

В документах же Предсоборного Присутствия ничего не говорилось о том, что кафедральным городом Патриарха должна стать Москва. В ходе обсуждений в Присутствии экс-

перты исходили из понимания, что кафедрой Патриарха призвана стать столичная епархия — Санкт-Петербургская, по месту нахождения императора, Синода и всех государственных учреждений. Это представлялось весьма удобным: Патриарху не нужно было отлучаться из столицы, чтобы исполнять обязанности правящего архиерея.

Совещание весьма подробно описало трехступенчатую процедуру избрания Патриарха, что в свое время не было сделано церковными экспертами Присутствия. Об освобождении патриаршего престола его блюститель извещает епархиальных архиереев. Последние организуют в своих епархиях выборщиков из числа «достойных лиц» (клириков и мирян), которые вместе со своими архиереями и собираются на Всероссийский Церковный Собор. Такой Собор должен состояться с соизволения императора в течение двух месяцев после освобождения патриаршего престола.

Совещание разработало порядок избрания Патриарха, опыт которого усматривался в избрании первого Патриарха Русской Церкви Иова. Предполагалось, что Всероссийский Церковный Собор в составе епископов, клириков и мирян избирает трех кандидатов. Об этом составляется соборное деяние, которое подписывается всеми епископами — члена-

ми избирательного Собора. Затем к монарху направляется соборное посольство из старейших архиереев. Вместе с обер-прокурором посольство прибывает в дворцовый храм, где император по своему усмотрению избирает одного из кандидатов в Патриархи¹⁵. Такой порядок патриаршего избрания свидетельствовал о сохраняющемся цезарепапистском начале в Церкви.

Обер-прокурор — блюститель закона и государственного интереса в Синоде

Обер-прокурор Синода, как и в ранее принятых Предсоборным Присутствием в июне 1906 года положениях об отношении высшего правительства Православной Российской Церкви к верховной государственной власти, позиционировался представителем верховной власти и блюстителем государственных законов, а также государственных интересов. Он должен был следить за соответствием принимаемых Синодом решений и постановлений требованиям закона, «блюсти государственную пользу в церковном управлении». Однако, в отличие от документа Присутствия, Совещание предполагало вхождение обер-прокурора в состав Совета министров. Это обстоятельство делало уязвимым государственного чиновника перед

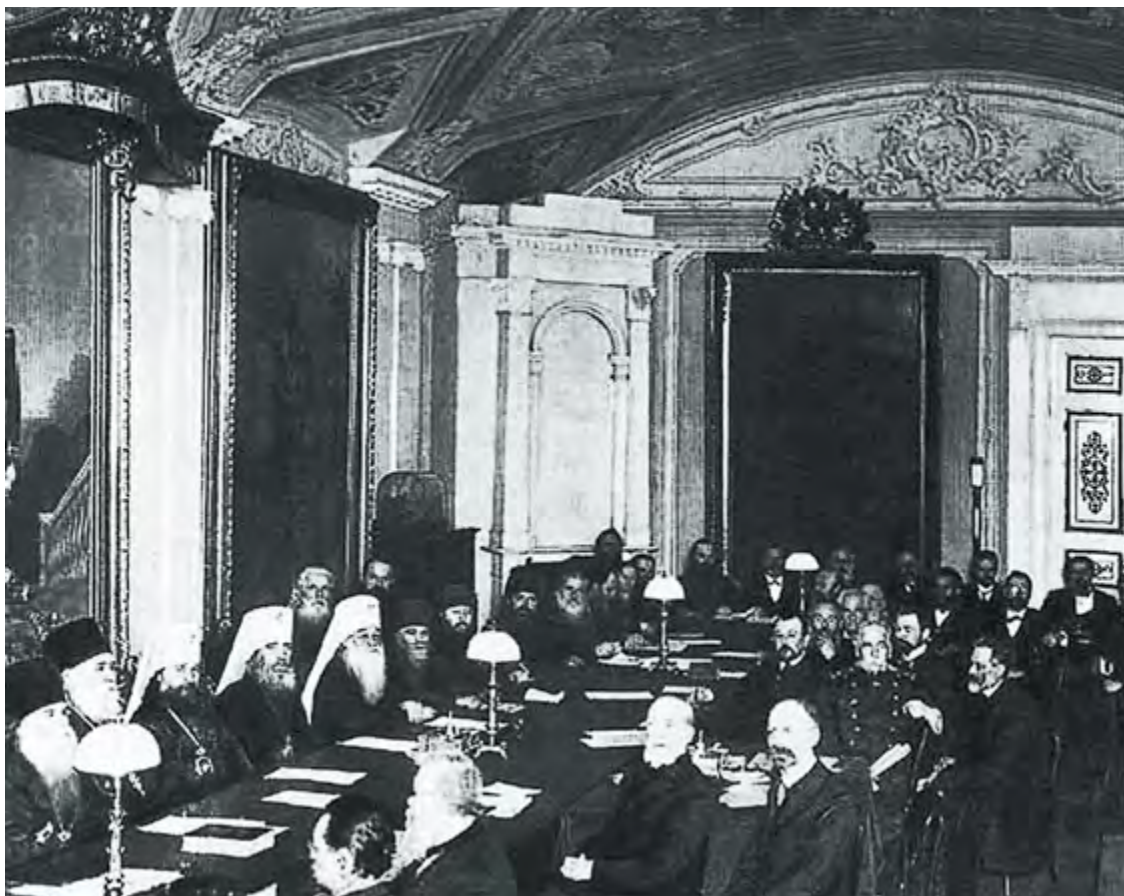
*Архиепископ
Волынский
Антоний
(Храповицкий)*

*Архиепископ
Финляндский
Сергий
(Страгородский)*

*Протоиерей
Тимофей
Буткевич, член
Государственного
совета
(слева направо)*

*Предсоборное
Присутствие.
1906 г.*

сменой правительства, с уходом в отставку которого своей должности лишился и обер-прокурор вкупе с другими министрами, к статусу которых он был приравнен¹⁶.

Совещание акцентировало внимание на то, что обер-прокурор должен принадлежать к Православной Церкви. Это уточнение было немаловажным в условиях свободы вероисповеданий, в том числе для государственных чиновников в Российской империи.

Совещание закрепило важную оговорку, согласно которой обер-прокурор не мог участвовать в принятии церковных решений и влиять на ход церковных дел. На эту тему много говорилось на заседании I отдела и в меньшей степени в общем собрании Присутствия, однако конкретного решения тогда принято не было. Обер-прокурор должен был сидеть за отдельным столом в зале заседаний Синода и мог лишь с разрешения председателя высказывать свое мнение по обсуждаемой теме. Совершенно очевидно, что Предсоборное Совещание последовательно ограничивало полномочия обер-прокурора и возможность его вмешательства в принятие синодальных решений.

В числе обязанностей обер-прокурора — представительство церковных интересов в государственных органах. Государственный чиновник должен был защищать интересы Церкви при прохождении закона, касающегося церковной жизни, настаивать на необходимости заслушать мнение Синода и отстаивать это мнение, вносить в государственные законодательные органы законопроекты и предложения по финансовым сметам, подготовленным Синодом, давать по ним комментарии.

Итоги работы Совещания

Какова же была ценность работы Предсоборного Совещания в сфере высшего управления Российской Церкви? Заслугой Совещания можно назвать подготовку проекта «О высшем церковном управлении», который не только упорядочил и согласовал между собой предложения, ранее сделанные Предсоборным Присутствием, но и привнес много нового. Член Совещания профессор И. И. Соколов на заседании Отдела высшего церковного управления Всероссийского Церковного Собора 11 сентября 1917 года так оценивал проект предсоборного органа:

«Проект этот очень обширен, хотя, может быть, и не совсем удовлетворителен, но все же очень ценен»¹⁷.

Работа Совещания не была ритмична и системна. С марта по май 1912 года Совещание провело восемь заседаний, а после летнего перерыва с сентября и по декабрь 1912 года собиралось еще пять раз¹⁸. В 1913 году состоялось девять заседаний Совещания, а в 1914 году еще несколько¹⁹. Значительный перерыв в деятельности Совещания был вызван Первой мировой войной, ставшей роковой для Российской империи. Лишь через четыре года возобновились заседания предсоборного органа. В январе 1916 года была проведена первая встреча после более чем полуторалетнего перерыва. Она же стала и последней. В безадресной записке член-делопроизводитель Совещания С. Г. Рункевич пишет о том, что по сравнению с предшествующими попытками церковных реформ работа предсоборного органа не должна быть признана медленной, в особенности если принять во внимание, что в течение первого года войны деятельность Совещания была приостановлена²⁰.

Присутствие и Совещание оказались связаны общей судьбой: ни тот ни другой предсоборный орган не смогли до конца реализовать свою повестку; и тот и другой органы взаимно уступали в проделанной работе (Присутствие рассмотрело большее число существенных тем в сфере высшей церковной власти и управления, а Совещание провело более глубокую работу по детализации церковного управления).

В отличие от Присутствия, ход работы которого освещался в «Церковных ведомостях», где публиковались журналы и протоколы заседаний отделов и общего собрания предсоборного органа, Совещание осуществляло свою деятельность скрытно от посторонних глаз. Результаты трудов Совещания нигде не были опубликованы. Вот как писал об этом директор Хозяйственного управления при Синоде А. А. Осецкий: «Напрасны были бы труды тех, кто стал бы отыскивать на книжном рынке работы Предсоборного Совещания. Может быть, что-нибудь и сделано; но все покрыто такой густой непроницаемой завесой тайны, что даже чины ведомства далеко не все знают, что делалось за этой завесой»²¹.

Такая келейная работа Совещания не могла не вызывать к себе подозрений и нареканий. Уже упомянутый синодальный чиновник продолжает свое размышление: «И эта глубокая тайна, это упорное прятание от посторонних глаз не свидетельствует ли, что в трудах Предсоборного Совещания есть немало того, чего нужно стыдиться, или, по крайней мере, за прочность чего следует опасаться? <...> Тайственная деятельность Предсоборного Совещания наводила на мысль, не исполняет ли оно заранее поставленных задач, не имеющих ничего общего ни с Предсоборным Присутствием, ни с действительным осуществлением реформ, удовлетворяющих назревшим потребностям времени»²². И далее А. А. Осецкий выступает с предположением, справедливость которого была подтверждена временем, о том, что труды Совещания «окажутся мертворожденными произведениями кабинетных теоретиков, не отвечающими запросам жизни»²³.

В отличие от Присутствия, ход работы которого освещался в «Церковных ведомостях», итоги деятельности Совещания не были опубликованы, и такая келейная работа Совещания не могла не вызывать нареканий и способствовать осуществлению реформ, удовлетворяющих назревшим потребностям времени.

Светская печать в своем большинстве с недоверием отнеслась к учреждению Совещания — «маргаринового», как прозвали его остроловы²⁴. В некоторых изданиях либерального толка состав предсоборного органа назывался «искусственным» и «тенденциозным», а само Совещание объявлялось «новой синодальной махинацией»²⁵.

Однако никакой информационной блокады со стороны прессы в отношении Совещания не было. Светские издания публиковали новостные сводки с кратким обзором и незначительными комментариями, которые схематично и сухо знакомили читателя с основными этапами работы²⁶. Такой характер новостного

*Поместный Собор
1917–1918 гг.*

материала, отсутствие журналистской или экспертной аналитики были связаны с недостатком информации, вызванным закрытым характером работы Совещания. Впрочем, некоторые издания брали у церковных иерархов интервью, которые позволяли читателям познакомиться с мнениями членов предсоборного органа. Так, «Петербургская газета» в статье «Восстановление патриаршества» 27 апреля 1912 года опубликовала беседу корреспондента с архиепископом Волынским Антонием.

Информационная непроницаемость предсоборного органа выглядела еще более удивительно в связи с тем, что само Совещание на заседании 6 апреля 1912 года указывало на отсутствие препятствий к сообщению репортерам о ходе своих занятий²⁷.

Информационный голод рождал разного рода слухи и домыслы, которые появлялись в прессе. Так, в московской газете «Утро России»

со ссылкой на собственного корреспондента, оперировавшего информацией «из синодальных сфер», в статье под красноречивым заголовком «Новые слухи о восстановлении патриаршества» сообщалось о некоем кандидате на патриарший престол. Это «высокое по своему положению лицо», но не монах и не епископ, предполагаемое в Предстоятели Российской Церкви²⁸. Интрига заставляла читателя гадать о таком претенденте.

Авторы заголовков и статей в газетах того времени проявляли интерес к соборной деятельности, оживлению церковной жизни. Особое внимание на страницах прессы уделялось работе Совещания над частями проекта «О высшем церковном управлении», темам восстановления патриаршества, порядка избрания Патриарха, его полномочий, в том числе взаимоотношений с верховной властью. В газетных статьях было немало надуманного жур-

налистами. Ставились вопросы, на которые не давалось ответов. Беда в том, что никто, кроме узкого круга лиц, не знал о содержании работы Совецания. Молчание со стороны Синода, скрытность трудов предсоборного органа были ошибкой, лишь увеличивавшей число церковных недоброжелателей. Синод того времени не сумел откликнуться на запрос о широкой церковной и церковно-общественной дискуссии, действовал по старинке. А в тех общественно-политических условиях подобным образом действовать было контрпродуктивно и даже опасно с точки зрения общественного реноме Синода. Между тем это реноме в информационной сфере ухудшалось. С именем Синода все больше связывалось бюрократическое, косное, не способное к изменениям начало. Потому в средствах массовой информации критически относились к учрежденному синодальному экспертному органу, не верили в его успех, считали, что ничего, кроме формальных изменений, не затрагивающих существа церковной жизни, Совецание не сделает.

В то время в церковной среде мало кто понимал, какое воздействие газеты и журналы оказывают на сознание современников, как формируют образ мыслей людей, побуждают их

соглашаться со сделанными выводами. А если кто-то из иерархов, священнослужителей и просвещенных мирян понимал, то ничего с неповоротливым Синодом сделать не мог.

Работа Предсоборного Совецания по подготовке Священного Собора Православной Российской Церкви оставалась непонятной для современников сразу по нескольким причинам.

- Во-первых, заданный Святейшим Синодом формат работы Совецания не предполагал экспертной дискуссии, содержание которой в последующем могло публиковаться для осведомления широкой общественности.
- Во-вторых, деятельность Совецания была ограничена редакцией и взаимным согласованием документов, подготовленных ранее Предсоборным Присутствием. Итог такой редакторской работы оказался на архивных полках и был недоступен обывателю.
- В-третьих, закрытый характер заседаний Совецания породил разочарование общественности (и церковной, и светской), поскольку не давал ответы на волновавшие многих людей того времени вопросы.

¹ Московские ведомости. 3 апреля 1912 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 445. Д. 213. Л. 7.

² Тихомиров Л. А. О необходимости созыва Поместного Собора Русской Церкви // Московские ведомости. 1912, 4 апреля. РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 213. Л. 9.

³ Церковные ведомости. 1912. № 9. С. 53.

⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 82. Отд. II. Ст. 3. Д. 124. Л. 4–5.

⁵ Там же. Л. 3 об.

⁶ Там же. Л. 8–8об. По приглашению архиепископа Финляндского Сергия в работе Совецания участвовали все синодальные иерархи (кроме первенствующего в Синоде митрополита Санкт-Петербургского Владимира). Обер-прокуроры Синода, их товарищи и управляющий Канцелярией Синода также присутствовали на заседаниях предсоборного органа.

⁷ Осецкий А. А. Поместный Собор. Свободный опыт организации. Петроград, 1917. С. 7.

⁸ Первое заседание Предсоборного Совецания // Прибавления к Церковным ведомостям. 1912. № 10. С. 441.

⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 212. Л. 11.

¹⁰ При этом было непонятно, как длительное время епархия могла пребывать без правящего архиерея, поскольку кафедра никаким другим лицом на время отсутствия своего председательствующего в синодальном учреждении архипастыря не замещалась. По всей вероятности, эту сложную проблему предполагалось решать посредством поручения епархиальных дел викарию. Митрополит Санкт-Петербургский имел возможность воспользоваться отпуском от присутствия в Синоде по высочайшему разрешению сроком до трех месяцев. И лишь митрополиту Киевскому и прочим присутствующим на постоянной основе в Синоде архиереям (например, митрополитам, вне зависимости от кафедры) по монаршей санкции предоставлялась льгота отсутствия в Синоде от четырех до пяти месяцев.

¹¹ Заседания Синода обыкновенно проводились два или три раза в неделю, иногда чаще. Остальные дни считались неприсутственными.

Синодальный архипастырь имел возможность отбывать в епархии на непродолжительное время на дни церковных праздников, когда совершались богослужения и решались накопившиеся церковные дела.

¹² РГИА. Ф. 796. Оп. 194. Д. 1160. Л. 2 об.

¹³ Там же. Л. 3 об.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 17–17об.

¹⁶ Последнее проявлялось в том числе в правомочии обер-прокурора иметь товарища.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 19.

¹⁸ 8 марта, 6, 12, 20, 21 и 27 апреля, 1 и 4 мая, а также 20 сентября (хотя журнала заседания 20 сентября в РГИА не имеется), 29 ноября, 4, 12 и 18 декабря. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 194. Д. 1156. Л. 38.

¹⁹ В 1913 г. заседания Совецания проходили 22 и 26 января, 9 и 12 февраля, 3 и 30 апреля, 5 ноября, 4 и 12 декабря; в 1914 г. – 22 января, 1 февраля, 3, 5 и 17 мая. См.: Там же. Л. 38–38об.

²⁰ Там же. Д. 1157. Л. 50.

²¹ Осецкий А. А. Указ. соч. С. 7.

²² Там же. С. 7–8.

²³ Там же. С. 7.

²⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 213. Л. 2.

²⁵ Газета «Утро России» от 16 марта 1912 г. (РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 213. Л. 2).

²⁶ Например, газеты: «Новое время» от 9 марта 1912 г., 22 апреля 1912 г., 23 апреля 1912 г., 28 апреля 1912 г.; «Утро России» от 21 апреля 1912 г.; «Речь» от 9 марта 1912 г., 22 апреля 1912 г.; «Россия» от 22 апреля 1912 г.; «Русское слово» от 22 апреля 1912 г.; «Московские ведомости» от 24 апреля 1912 г.; «Биржевые ведомости» от 28 апреля 1912 г.; «Свет» от 6 мая 1912 г.; «Колокол» от 9 марта 1912 г., 22 апреля 1912 г. — и другие издания и информационные материалы.

²⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 212. Л. 3–3об.

²⁸ Там же. Д. 213. Л. 23.